

Н. Н. Летина

Гендерно детерминированный пушкинский дискурс женского творчества в России XIX в.

(Выполнено в рамках работы по гранту РГНФ № 15–03–00655)

В статье сформулированы основания гендерно детерминированного пушкинского дискурса женского творчества в России XIX в. На основании анализа репрезентативных версий «женского» творчества XIX в. – К. К. Павловой и Е. П. Ростопчиной, актуализирующих пушкинский дискурс, выявлены ключевые социокультурные (гендерные), историко-культурные, духовно-нравственные, эстетические, личностные факторы его формирования и индивидуальные особенности реализации. Обосновано, что пушкинский дискурс является кульминацией взаимного диалога двух русских поэтесс, который по своему характеру коррелирует с затянувшейся творческой дуэлью, одним из «поводов» и «средств» ведения которой является А. С. Пушкин. Определено, что решающую роль в женской «дуэли» играет пограничная ситуация встречи с корифеем, воплощением поэзии, и осияние его славой, преобразование в творца в результате его «благословения». Верифицирована формальная победа в дуэли Е. П. Сушковой (Ростопчиной), которую на авторство благословляет признанный лучшим поэтом своего времени А. С. Пушкин, а также В. А. Жуковский, отводивший поэтессе, в ее самосознании, роль преемницы Поэта.

Ключевые слова: гендерно детерминированное восприятие, пограничность бытия и деятельности творческой личности, А. С. Пушкин, К. К. Павлова, Е. Е. Ростопчина.

N. N. Liotina

Gender-Determined Pushkin Discourse of Female Creativity in Russia in the XIX century

In the article the bases of *gender-determined Pushkin discourse of female creativity of Russia in the XIX century* are formulated. On the basis of the analysis of representative versions of *female creativity of the XIX century* – K. K. Pavlova and E. P. Rostopchina staticizing Pushkin discourse, key sociocultural (gender), historical and cultural, spiritual and moral, aesthetic, personal factors of its formation and specific features of realization are revealed. It is proved that the Pushkin discourse is the culmination of the mutual dialogue of two Russian poetesses, which in its character correlates with a prolonged creative duel, and A. S. Pushkin is one of «reasons» and «means» to maintain it. It is defined that a crucial role in the female «duel» is played by the uncertain situation of meeting with the coryphaeus, embodiment of poetry and lightening of his fame, transformation into the creator as a result of his «blessing». The formal victory in the duel of E. P. Sushkova (Rostopchina) was verified, who was blessed on authorship by A. S. Pushkin recognized as the best poet of the time, and also V. A. Zhukovsky blessed her, who due to her own opinion gave her the role of the poet's successor.

Keywords: gender-determined perception, uncertainty of life and activity of the creative person, A. S. Pushkin, K. K. Pavlova, E. E. Rostopchina.

О роли и значении творчества и личности А. С. Пушкина в отечественной науке было написано столько, что потребовалось введение специального термина «пушкиноведение», определяющего не только предмет, но целый пласт научных (главным образом, филологических и исторических) изысканий. Нет никаких сомнений, что А. С. Пушкин и мыслится, и является рубежной личностью, пограничным феноменом русской литературы. Поскольку русская культура литературоцентрична (Д. С. Лихачев, И. В. Кондаков, Г. Ю. Стернин), то вполне правомерно рассматривать личность А. С. Пушкина и как *культурный рубеж* [4], важнейшая ценность которого – *в гениальной способности авторского творчества, вырастающего из личностного синтеза и интерпретации имеющегося культурного опыта*. До

А. С. Пушкина – литературный билингвизм, эклектичная рецепция западноевропейских импульсов, невысокий уровень художественного самосознания и статуса поэта. После Пушкина – русский литературный поэтический язык, синтетичный (включающий интерпретацию, игру, иронию, пародию) и в то же время естественный авторский метод, авторское творчество, узнаваемый авторский стиль, сквозной лирический герой, высокий уровень саморефлексии поэта и установление его высокого статуса, интерес искусства к этнической самоидентификации и «ясным» формам художественной образности (В. А. Тропинин, О. А. Кипренский). Роль А. С. Пушкина в русской литературе и культуре сопоставима с ролью Горация для Рима, Данте Алигьери для Италии, У. Шекспира

для Англии и всех их – для истории культуры в ее высочайших проявлениях.

Рубежная личность А. С. Пушкина в разное время воспринималась российскими мыслителями, государственными деятелями, критиками и другими творцами как (не всегда позитивно оцениваемое [2]) вершинное достижение русской литературы. Напомним две не только репрезентативные, но и аллегорические характеристики – «Солнце русской поэзии» (В. Г. Белинский), «наше все» (А. А. Григорьев). Аллегоризм первой фиксирует и центральное положение Поэта в литературной Вселенной России, и ослепляющее сияние вездесущей творческой энергии звездной личности, и традиционную для европейской культуры (хотя и не актуализированную критиком-демократом непосредственно) ассоциацию Солнца и Аполлона-Феба, благодаря которой Пушкин наделяется статусом бога творчества. Вторая оценка доводит до апогея *сакрализацию* как художественно-интеллектуальной элитой, так и более широким кругом любителей и ценителей русской словесности («наше») личности Пушкина, поскольку имманентный синкретизм образа «все» имплицитно несет в себе полноту бытия, возможную лишь для Абсолюта. Важное обстоятельство: изначальную концептуальную аллегорику сакрализации А. С. Пушкина осуществили в русской культуре XIX в. культурные деятели – мужчины.

Репрезентативные формы *гендерно детерминированного взгляда на личность и творчество Поэта мы обнаруживаем в конкретных проявлениях «женского» творчества XIX в.* – К. К. Павловой (1806–1893) и Е. П. Ростопчиной (1811–1858).

На рубеже XVIII–XIX вв. женское творчество получило легитимное право на существование в виде особого феномена романтической дворянской культуры – «женской литературы» [3]. При этом социокультурный статус женского творчества остался маргинальным по отношению к универсальному творчеству мужчин [1]. Данное обстоятельство, безусловно, повлияло на проблематизм самосознания русских художниц слова: сложился особый социально-психологический и духовно-нравственный комплекс «женщины-поэтессы». При этом образовался круг «образцовых» авторов (А. П. Бунина, Е. П. Ростопчина, З. А. Волконская, К. К. Павлова, Е. А. Ган, М. С. Жукова, А. В. Зражевская, Н. А. Дурова, Ю. В. Жадовская и др.), ставший феминным аналогом «поэтическому братству». Но хотя «в душе гениальной есть братство святое» (Е. П. Ростопчина),

говорить о высокой степени единства, корпоративном духе «сестер по перу» не приходится: слишком сложны были личные отношения приязни-неприязни среди «избранных и удостоенных» дам. Тем не менее, генетически и типологически женское творчество образовывало целостный феномен. В его рамках отчетливо проявилась двойственная тенденция сотрудничества-соперничества, как в оценках современников, титуловавших «нашей Сафо» то А. П. Бунину, то Е. П. Ростопчину, «новой Коринной» то З. А. Волконскую, то К. К. Павлову, так и в самосознании пишущих дам.

Значительным импульсом для проявления коррелятивных гендерно детерминированных интенций стала и *апологетика субъективного личностного начала*, присущая романтической ментальной модели. Растущая численность «женского» круга авторов только усиливала дух агональности, состязательности по отношению и к мужчинам, и, что особенно важно, – друг к другу. В этом смысле отношения К. К. Павловой и Е. П. Ростопчиной были типичны, однако отличались особой напряженностью. К. К. Павлова, с ее аналитико-социальными претензиями, неоднократно обвиняла Е. П. Ростопчину («сует рабыню») в растративании своего дара в светской жизни («Три души», «Мы современницы, графиня» и др.). Отношение К. К. Павловой к Е. П. Ростопчиной, вероятно, усугублялось слухами о роли ее свекра, московского генерал-губернатора гр. Ростопчина в пожаре в Москве 1812 г. Е. П. Ростопчина, тяготеющая к интимно-исповедальному творчеству, отвечала экзальтированной К. К. Павловой личной неприязнью и лишь иногда вступала в прямой поэтический диалог, например, в жанре юморески по поводу писем «новой Коринны». Таким образом, инициатором сравнения в ключевом аспекте – предпочтении женского или поэтического – выступала К. К. Павлова.

Это перманентное для ее творчества и не столь явно проявившееся в лирике Е. П. Ростопчиной сравнение придавало особое наполнение их поэзии. Во-первых, уникальный текст лирики К. К. Павловой и уникальный текст лирики Е. П. Ростопчиной имели общее моделирующее начало – романтизм как тип мировосприятия и тип творчества. Во-вторых, общим моментом являлись структурообразующие факторы: хроника внутренней жизни лирической героини, женское начало, романтическая образность. Но на макроуровне, на переходе от внутреннего к внешнему модусу реализации, лирическое творчество двух

поэтесс имело значительный вектор пересечения. Он определялся и их личным диалогом друг с другом: «Мы современницы, графиня, / Мы обе дочери Москвы; / Тех юных дней, сует рабыня, / Ведь не забыли же и вы! / Нас Байрона живила слава / И Пушкина изустный стих; / Да, лет одних почти мы, право, / Зато призваний не одних», – пишет в поэтическом посвящении гр. Е. П. Ростопчиной К. К. Павлова¹.

Поскольку характер этого диалога – сравнение, соперничество, то *специфику «взаимного» дискурса* поэтесс метафорически можно определить как затянувшуюся *дуэль*. В ней присутствуют все соответствующие ритуальные компоненты: предыстория с нагнетением драматизма, объяснение и вызов, поединок, поражение или победа. Причем «дуэльный» дискурс, будучи линейным сам по себе, становился в творчестве и жизни К. К. Павловой и Е. П. Ростопчиной циклическим, актуализировавшимся вновь и вновь.

Именно на стадии актуализации поединка новый повод для соперничества становится аналогом нового вызова. Назовем лишь основные «поводы»: провинциальность (Ярославль, Москва) – столичность (Петербург); корни – немецкие (урожд. Яниш) и русские (урожд. Сушкова); биографическая причастность научным и масонским кругам – вовлеченность в художественную среду; женская привлекательность, где критерием становилось количество «разбитых мужских сердец» (в этом плане у К. К. Павловой имелся драматический прецедент – как полагали современники, из-за невзаимной любви к К. К. Павловой покончил жизнь самоубийством друг Адама Мицкевича Киприан Дашкевич); романтически адекватная и одинаково несчастливая женская судьба, неудачный брак, разлука с возлюбленными.

Одним из важнейших аспектов соперничества было *художественное творчество*. Его истоки для них обеих К. К. Павлова определяла сходно: романтизм в его вершинных проявлениях («слава Байрона», «Пушкина... стих»). Однако в данном случае К. К. Павлова, как нам представляется, указывает имена, ставшие «знаменем» романтизма. Подлинные истоки творчества двух поэтесс богаче, они соотносятся с просвещенческим и сентименталистско-романтическим ментальными и художественными комплексами, причем в большей мере германского и французского происхождения. Безусловно, важен и актуальный культурный контекст, в том числе отечественный, где А. С. Пушкин был уже «признанным гением». Но в данном случае значима не столько точность ху-

дожественной саморефлексии, сколько декларация сходства с гр. Ростопчиной. Специфика творческого процесса также была поводом для сравнений. К. К. Павлова называла главные составляющие своего творческого процесса – это вдохновение и «святое ремесло». Е. П. Ростопчина писала о вдохновении как о творческом импульсе. При этом в художественных текстах обе поэтессы настаивают на верности своей Музе. Несколько «школярский» характер поэзии К. Павловой отмечали и современники, в то же время по отношению к Ростопчиной транслировалось мнение о необычайной легкости создания произведений. Пользуясь пушкинскими образами, можно предположить, что характер творческого процесса К. К. Павловой можно соотнести с опытом Сальери, а Е. П. Ростопчиной – с моцартианским типом. Показателен и количественный аспект: после смерти К. К. Павловой у родственников остались «два сундука» поэтического наследия, из которых опубликовано материала на два тома, остальное, судя по всему, пропало. Сын Е. П. Ростопчиной опубликовал большую часть архива поэтессы.

Особую роль и на имманентном уровне, и на уровне личностного диалога двух поэтесс играет *«встреча с Поэтом»*. Генетически эта ситуация явно восходит к знаменитой встрече Данте и Вергилия, где среди аргументов, определяющих выбор именно этого поэта античности как проводника, важным является творческая преемственность: «...ты мой учитель, мой пример любимый, лишь ты один в наследье мне вручил прекрасный слог, везде превозносимый». Прямой исток – знаменитый эпизод встречи лицеистов и Г. Р. Державина, описанный А. С. Пушкиным, акцентирует выделение «нас» «священным авторитетом» и прямое благословение: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Этот момент благословения Поэтом, значимый для романтической литературы, включает и легитимацию творчества, и признание «своими» поэтического дара.

В этой ситуации важны и сами имена «священных авторитетов», поскольку и в рамках «святого братства» существует иерархия. Среди наиболее существенных «встреч» К. К. Павловой – А. Мицкевич (несостоявшийся муж), Н. М. Языков (собрат по перу), М. Ю. Лермонтов (посетитель салона, перед отъездом на Кавказ М. Ю. Лермонтов нанес последний визит в Москве именно К. К. Павловой), И.-В. Гете (благословивший на публикацию переводов). Альтернативный «список» Е. П. Ростопчиной включает А. Мицкевича (личное знакомство, посвящение

«Насильного брака»), А. Н. Карамзина, сына знаменитого историографа (роман, общение в салоне Карамзиных), М. Ю. Лермонтова (дружба, вера в родство душ и судеб: «Я верю: под одной звездой / Мы с Вами были рождены; / Мы шли дорожкой одною, / Нас обманули те же сны») / посвящение «Графине Ростопчиной» М. Ю. Лермонтова), А. Дюма (встреча в России, переписка). В составе персоналий немало совпадений, вполне объяснимых общим кругом интересов и общим социокультурным статусом.

Однако при фиксации судьбоносных для творчества поэтов «встреч» К. К. Павлова и Е. П. Ростопчина указывают разные имена. К. К. Павлову «благословляет» на оригинальное творчество Е. А. Баратынский (письма, стихи-посвящения). Е. П. Ростопчину, по ее собственному признанию, – А. С. Пушкин («Две встречи»).

Так, в жизни лирической героини определяется важнейшее пограничное событие – встреча с корифеем, воплощением поэзии и буквально – осияние его славой, почти обоженье. Показательно, что в 30-е гг. XIX в. имена Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина неравноценны. И посмертное поименование «Солнце русской поэзии» лишь упрочит прижизненный статус А. С. Пушкина – «нашей славы» (Е. П. Ростопчина), лучшего поэта своего времени. В этом смысле «авторитет» благословившего в случае с Е. П. Ростопчиной гораздо значительнее, чем у К. К. Павловой.

Но для нас важно и само появление имени и образа А. С. Пушкина в творчестве обеих поэтов. Обозначим формальный функционал «встреч» с А. С. Пушкиным в лирике К. К. Павловой и Е. П. Ростопчиной: *эпиграф*, актуализирующий общение, диалог и соотносящий с культурной традицией (Е. П. Ростопчина, например, использовала в качестве эпиграфов цитаты из «Евгения Онегина», «Послания Чаадаеву»); *источник и образец для подражания*, что проявилось в присвоении и освоении пушкинских мотивов, образов, тем, ритмики («Мечта» Е. П. Ростопчиной; «Ты, уцелевший в сердце нищем» К. К. Павловой); *предмет рефлексии* (в связи с творчеством как воплощения национальной поэзии; в связи со смертью; в связи с личностной заинтересованностью); *герой произведения* («Две встречи», «Черновая книга Пушкина» Е. Ростопчиной; «Дума», Ответ Языкову» К. К. Павловой).

Рассмотрим подробнее стихотворение Е. П. Ростопчиной «Две встречи». Предваряющий его эпиграф «Es gibt im Menschenleben ewige Minuten...» («Есть в человеческой жизни вечные ми-

нуты») из Ф. Бутервека раскрывает специфику пограничного хроноса в тексте: «вечные минуты» соотносятся с сакральным временем, выводящим происходящее за пределы повседневности и обыденности.

В основе стихотворения рассказ о двух встречах лирической героини с А. С. Пушкиным. Первая произошла в детстве, в Москве, на ней героиня-ребенок была лишь свидетельницей происходящего, но «отгадала, поняла / На нем и гения сиянье, / И тайну высшего признанья». «Другое свиданье» совершалось на балу, где во время танца «Под говор музыки, украдкой, дрожа, / Стихи без искусства ему я шептала / И взор снисхожденья с восторгом встречала».

Именно тогда и было получено благословение на творчество, воспринятое героиней как священный акт инициации, принятия в избранный круг: «В душе гениальной есть братство святое: оно обещает участие родное». Так «две первые, чудные встречи» с Пушкиным героиня восприняла как «предвещанье» вечности.

Третья встреча с Поэтом в лирике Е. П. Ростопчиной не состоялась, но В. А. Жуковский передал графине черновую книгу, купленную Пушкиным незадолго до смерти. Е. П. Ростопчина осознает этот дар как символический, и ее героиня воспринимает себя «слабой, недостойной», но все же – *Преемницей А. С. Пушкина* (и В. А. Жуковского).

В реальной жизни графиня Ростопчина встречалась с А. С. Пушкиным довольно часто, совершенно точно не дважды. В частности, за день до дуэли с Дантесом поэт был в доме Ростопчиных. Почему она в художественном тексте исчисляет их встречи двумя? Фраза лирической героини «Но эти две первые, чудные встречи / Безоблачной дружбы мне были предтечи» указывает на то, что они значимы, потому что «первые» и предваряющие будущие дружеские отношения. Однако в таком статусе состоятельна только вторая встреча – на первой Пушкин даже не заметил ребенка, она важна только для нее. Показательна и реальная хроника: Додо Сушкова познакомилась с А. С. Пушкиным в первую зиму своего выезда в свет, в возрасте 18 лет на балу у московского губернатора кн. Д. В. Голицына. В лирическом хронотопе это и есть «второе свиданье». Что касается «первого», то сведений о его биографической реальности нет. Есть, однако, достоверный факт, что 1 марта 1831 г. А. С. Пушкин вместе с женой участвовал в масленичных гуляниях у Пашковых и катался в одних санях с будущей гр. Ростопчиной. Так как

время «первой встречи» – именно Масленица в Москве, то есть вероятность переноса реальных впечатлений в пору абсолютного личного прошлого – детства.

Мы полагаем, что здесь присутствует дополнительная символическая нагрузка. В «Новой жизни» Данте Алигьери композиционным стержнем является хроника встреч Поэта и Беатриче Портинари. Первая встреча происходит в детстве, в возрасте 9 лет, вторая в 18 лет, а третья встреча в рамках данного текста не состоялась (Беатриче умерла), однако она осуществится в райской вечности («Божественная комедия»). Совпадения во временной последовательности и возрасте героини весьма убедительны. Но еще более убедительна третья, посмертная встреча лирической героини Е. П. Ростопчиной с А. С. Пушкиным в «Черновой тетради Пушкина».

На этот аргумент-«выстрел», который Е. Ростопчина отнюдь не направляла напрямую в соперницу, а демонстрировала всему миру, К. К. Павловой ответить было нечем. В лирическом дискурсе женской творческой «дуэли» решающую роль (трагическая ирония!) рокового выстрела сыграл А. С. Пушкин, благословивший на творчество Е. П. Сушкову, и В. А. Жуковский, который отвел ей, в ее сознании, роль преемницы поэта.

Тем не менее, через два года после смерти А. С. Пушкина в стихотворении «Поэт» именно К. К. Павлова, несомненно, имея в виду и пушкинские манифестальные утверждения высокого статуса поэта, и его художественный опыт, определит центральное место творца в мироздании: «Он вселенной гость, ему всюду пир, / Всюду край чудес; / Ему дан в удел весь подлунный мир, / Весь объем небес; / Все живит его, ему все кругом / Для мечты магнит: / Зажурчит ручей – вот и в хор с ручьем / Его стих журчит; / Заревет ли лес при борьбе с грозой, / Как сердитый тигр, – / Ему бури вой – лишь предмет живой / Сладкозвучных игр».

Таким образом, анализ пограничных ситуаций русской культуры на индивидуально-творческом уровне демонстрирует оформление в русской культуре особого гендерно детерминированного дискурса пограничной творческой личности А. С. Пушкина, отобразившегося в лирическом опыте репрезентативных для русской литературы и культуры первой трети XIX в. женщин-творцов К. К. Павловой и Е. П. Ростопчиной. В опыте К. К. Павловой и Е. П. Ростопчиной пушкинский дискурс является кульминацией их заочного диалога, который по своему характеру коррелирует с за-

тянувшейся творческой дуэлью, одним из «поводов» и «средств» ведения которой является А. С. Пушкин. На рубеже XIX–XX вв. продолжится женская дуэль и в борьбе за место в поэзии и в ряду наследниц и мыслимых кумиров Пушкина, ее впоследствии актуализируют в наиболее концентрированном плане М. И. Цветаева и А. А. Ахматова.

Библиографический список

1. Злотникова, Т. С. Вторая ошибка Бога : научная монография [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : Из-во ЯГПУ, 2010.
2. Злотникова, Т. С. Субъект культуры и субъект власти (русские творцы – интерпретаторы коллизий власти в России) (Выполнено по гранту РГНФ 12–03–00095) [Текст] / Т. С. Злотникова // Вопросы культурологии. – 2014. – № 9. – С. 44–53.
3. Летина, Н. Н. Гендерный фактор «провинциальности» женского творчества [Текст] / Н. Н. Летина // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2006. – № 6. – С. 139–143.
4. Летина, Н. Н. Теоретико-методологические основания изучения проблемы «рубежности» как культур-философского концепта [Текст] / Н. Н. Летина // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 3. – С. 233–238. – 0,5 п. л.

Bibliografskijski spisok

1. Zlotnikova, T. S. Vtoraja oshibka Boga : nauchnaja monografija [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : Iz-vo JaGPU, 2010.
2. Zlotnikova, T. S. Sub#ekt kul'tury i sub#ekt vlasti (russkie tvorcy – interpretatory kollizij vlasti v Rossii) (Vypolneno po grantu RGNF 12–03–00095) [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Voprosy kul'turologii. – 2014. – № 9. – S. 44–53.
3. Letina, N. N. Gendernyj faktor «provincial'nosti» zhenskogo tvorchestva [Tekst] / N. N. Letina // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. – 2006. – № 6. – S. 139–143.
4. Letina, N. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovanija izuchenija problemy «rubezhnosti» kak kul'tur-filosofskogo koncepta [Tekst] / N. N. Letina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – T. 1. – № 3. – S. 233–238. – 0,5 p. l.

¹ Стихотворения К. К. Павловой приводятся по изданиям: Павлова, К. К. Стихотворения [Электронный ресурс] / К. К. Павлова // Стихия. – Режим доступа <http://www.russianforever.com/stixiya/authors/pavlova/all.html#kak-serdca-vashemu>, свободный. Проверено 08.07.2025 и Павлова, К. К. Стихотворения / К. К. Павлова – М. : Советская Россия, 1985. – 240 с.; стихотворения Е. П. Ростопчиной по Ростопчина, Е. П. Стихотворения. Проза. Письма / Е. П. Ростопчина ; сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Б. Романова. – М. : Сов. Россия, 1986. – 448 с.